„Пров. 49“
99

ДѢДУШКА ЕГОРЪ

(РАЗСКАЗЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія В. И. Хижевскаго (Эртелевъ пер., д. №9.)
1873

ПР

Дозволено цензурою. Кіевъ 15-го Марта 1873 года.

224894

ДѢДУШКА ЕГОРЪ

(*Разсказъ*).

Дѣдушка Егоръ Лукинъ, рослый—добрый старикъ, лѣтъ семидесяти-пяти, но на видъ ему едва можно дать пятьдесятъ. Въ его русыхъ волосахъ и рыжеватой бородѣ кое-гдѣ виднѣются космы сѣдины. Дѣдушка Егоръ очень худъ, потому что рыхлая полнота составляетъ исключительную принадлежность купцовъ, подрядчиковъ, цѣловальниковъ и прочихъ личностей, которымъ народъ присудилъ имя міроѣдовъ.

— Не разжирѣешь на работѣ, говоритъ дѣдушка Егоръ, вытягивая свои тощія руки, изъ подъ сухой кожи которыхъ проступаютъ толстыя жилы, какъ корни старыхъ деревъ проступаютъ изъ подъ земли.

Лицо дѣдушки Егора не кидается въ глаза ничѣмъ замѣчательнымъ. Не высокій, прямой, почти четыреугольный лобъ, прямой толстоватый носъ и тусклые голубые глаза не отличаются ни особенной выразительностью, ни энергіей, въ нихъ виднѣется только степенность и добродушіе—общая черта стариковъ—крестьянъ.

Я познакомилась съ дѣдушкой Егоромъ въ деревнѣ N, одной изъ самыхъ живописныхъ окрестностей губернскаго

города NN, и которая потому особенно любима NN-скими дачниками. Въ моей комнатѣ нужно было перестлать полъ. Дѣдушка Егоръ явился съ своимъ топоромъ и такъ живо и ловко управлялся съ огромными досками, поднимая изъ полисадника на вышку, въ которой находилась моя комната, ворочая, строгая, прилаживая, какъ было бы впору только молодому парню. Я замѣтила это дѣдушкѣ Егору и съ этого началось наше знакомство. Польщенное самолюбіе заставило дѣдушку разговориться.

— Эхъ, что теперь барыня! кабы вы меня молодымъ видѣли, отвѣчалъ дѣдушка, самодовольно потряхивая головой—такъ ли у меня спорилось и не такое дѣло въ рукахъ! Извѣстно—старость не радость, да старость бы все ничего, Бога гнѣвить нечего, такіе ли старики въ мои годы бываютъ? не старость меня подъѣла, а дальняя дорога, да забота. Я, матушка въ Сибири былъ, въ самой Нерчинской губерніи, тамъ безъ малаго восемь лѣтъ выжилъ, туда по этапу пошелъ, это ссыльнымъ, знаете. Да вы, матушка, не думайте чего, сказалъ дѣдушка, не понявъ мое невольное движеніе:—не за худое дѣло былъ я въ Сибири, не за воровство или убивство, а за то, что я за правду постоялъ,—и старикъ пріосанился и гордая усмѣшка скользнула по его лицу.

Я просила его разсказать за что его сослали и онъ началъ такъ:

— Да, барыня, за правду, да видно ее, матушку, на этомъ свѣтѣ не очень любятъ, коли за нее терпѣть приходится. Были мы крѣпостными и деревня наша была вотчиной князя Шибальскаго. Князя-то самаго мы рѣдко видали, лѣтомъ проживалъ за границей, а зимой въ Пи-

тербурхѣ. Иногда наѣзжалъ поохотиться лѣтомъ, али подъ осень и тогда всѣхъ крестьянъ, хоть и въ рабочую пору, сбирали ему волковъ и медвѣдей гонять по лѣсамъ. Жили мы, грѣшные, ни въ чомъ не нуждались, хлѣба хватало до посѣва, да не такъ бы жить слѣдовало подъ губернскимъ городомъ. Тутъ всякій сбытъ есть: нарубилъ дровъ, везешь въ городъ, выростилъ капусту, картофель,— вези на рынокъ, накопила баба масла, творогу, сметаны,— вези по знакомымъ господамъ, всѣмъ деньгу добыть можно. Да разжиться-то мы не могли, потому что оброки очень ужъ были велики: тридцать рублевъ съ тягла, да еще тамъ два рабочихъ дня въ сѣнокосъ, да два въ жнитво, съ каждаго мужика и съ каждой бабы. Старики это, родители мои, платили старому князю восемдесять рублевъ на ассигнаціи; какъ меня посадили на тягло— назначили сто, а потомъ на серебро стали брать тридцать. Тутъ годовъ эдакъ за двадцать затѣяли господа жить по лѣту у насъ. Наняли чистыя избы, а мы сами на лѣто, кто въ банѣ, кто на сѣновалѣ, или сараѣ, какъ пришлось, стали жить. Другимъ господамъ такъ понравилось въ нашей деревнѣ, что сняли землю въ года; это значитъ, они на отведенной имъ землѣ строили домъ, а потомъ, когда года кончились, домъ этотъ оставался хозяевамъ. Увидѣли, что на мужицкой землѣ стоятъ дома большіе, другіе ровно городскіе, завидно стало видно, и наложили на насъ новый оброкъ— платить по три копѣйки серебромъ съ сажени квадратной. Княжескій управляющій, Викентьевъ, говоритъ: «платите, на то княжеская воля.»—«Помилуйте, ваше благородіе,» говоримъ ему, «за что вы насъ—разорить хотите? Поло-

жимъ, что на моей землѣ и хоромы стоятъ, да вѣдь они не мои, отъ нихъ мнѣ ни копѣйки барыша, моими-то будутъ еще когда года выйдутъ, а деньги подавай сейчасъ.» Собрались мы міромъ, толковали какъ быть, видимъ просто раззореніе пришло. Другіе мужики такъ и въ долгъ вошли, какъ ставили себѣ новыя избы на зиму, на задахъ, потому что старыя избы ихъ были перестроены на дома, али подъ кухню взяты. Наконецъ, порѣшили мы просить управляющаго отмѣнить оброкъ. Меня выбрали говорить за міръ.

Пришли къ управляющему.

— Ослобоните ваше благородіе, явите Божескую милость, говорю, потому что намъ платить по три копѣйки съ квадратной сажени—раззореніе.

Выслушалъ насъ и говоритъ:

— Ничего не могу, ребята, не я самъ отъ себя наложилъ, на то былъ княжескій приказъ.

Порѣшилъ міръ послать меня къ князю, потому что я былъ мужикъ толковый, и все какъ слѣдуетъ разъяснить умѣлъ. Князь садился въ коляску, чтобы ѣхать на охоту. Онъ и договорить не далъ.

— Не мое дѣло,—Викентьева, ступай къ нему.

— Коли не ваше, ваше сіятельство, говорю я ему:— чьи же мы какъ не ваши? не дайте насъ въ обиду.

И слушать не сталъ, крикнулъ кучеру: пополъ! и укатилъ.

Я опять къ Викентьеву, говорю, князь сказалъ, что онъ въ эти дѣла не касается, значитъ, ваше высокоблагородіе, это отъ васъ. Ослобоните, потому что намъ платить невозможно по три копѣйки съ квадратной сажени, и на то не было его княжескаго приказа.

— Экой ты, братецъ, какой говоритъ управляющій:— князь приказалъ, чтобы вотчина три тысячи лишнихъ давала. Князю деньги нужны, нынче все дорого, а откуда же я возьму три тысячи лишнихъ, разсуди ты, ну, съ міру по ниткѣ.....

— Да вѣдь это сказано къ тому, что голому рубашку, не стерпѣлъ я и усмѣхнулся:—а у князя то дворецъ въ Питерѣ не одинъ миліонъ, чай стоитъ, да въ вотчинахъ, а у насъ....

— Ты у меня поговори, закричалъ управляющій:— не тебѣ ли жить во дворцѣ, съ твоимъ рыломъ. Вотъ я какъ задамъ тебѣ за разговоры... и пошелъ и пошелъ.

Будто я на княжеское имѣніе зазрился. Мнѣ то что? Пусть его при немъ и остается, только мое ты предоставь мнѣ.

— Братцы, говорю міру:—управляющій тутъ ни при чемъ, на то былъ княжескій приказъ.

Повѣсили головы мужики: какъ быть теперь?—а платить крѣпко не хочется.

— Братцы говорю опять: алѣ сходить всѣмъ міромъ опять къ князю,—а самъ знаю что изъ этого толку не будетъ, а хотѣлось мнѣ очень уличить его, зачѣмъ онъ приказавши самъ, да на управляющаго сваливаетъ.

Пришли мы, камердинеръ его не допустилъ, говоритъ, не велѣно тревожить, для мужицкихъ дѣлъ есть управляющій. Такъ мужики и отступились, а я опять подстерегъ его какъ онъ ѣхалъ съ гостями кататься и говорю:

— Ваше сіятельство, по три копѣйки на сажень наложилъ управляющій по вашему приказанію, такъ ужь явите такую....

А онъ говорить не далъ.

— Вонъ, закричалъ:—я сказалъ, чтобы ко мнѣ со гнилымъ вздоромъ не лѣзли, на то есть управляющій.

Я убрался, чтобы лакеи не погнали. Собрались мы опять міромъ толковать. Обидно было платить эдакій оброкъ. Только ты тутъ думалъ разжиться, а съ тебя деньги тянутъ. Платили же мы ему акуратно оброкъ, тяжело было вдругорядъ: а платили, работали все какъ слѣдуетъ а ему все мало. Покорыстовался, что мы стали зашибать деньгу. Да развѣ онъ намъ помогъ зашибать ее? Другой лѣта по три, по четыре съ семьей въ баню забивался, ни порядку ни пригляду въ житьѣ не было. Да и деньгу-то зашибали не его, своимъ горбомъ. Скотинушку лишнюю завели на молоко, уходу больше. Моя старуха съ утра до ночи на ногахъ въ работѣ. Такъ какъ же стерпѣть, что наши кровныя денежки ни за что пропадутъ?

Видимъ мы, что отъ насъ никакихъ резоновъ не принимаютъ, думали, думали да на томъ и порѣшили, чтобы написать прошеніе на Высочайшее имя. Я грамоту зналъ не то чтобы очень хорошо, не похвастаюсь, а все составилъ черновую, написалъ все, какъ мы вѣрой-правдой князю служили, и насъ такъ обижаютъ, прописалъ какъ слушать князь не сталъ и что теперь намъ негдѣ правды искать, окромя Государя. Пишу, а у самаго сердце такъ накипаетъ, такъ и накипаетъ, и не столько мнѣ изъ за денегъ обидно, сколько изъ за неправды, что ты долженъ все терпѣть безъ отвѣта.

Стали мы потомъ искать кого переписать прошеніе, надо было красиво и по формѣ. Тутъ мы долго бились. Другой и возмется написать, да узнаетъ, что на Высочайшее имя, такъ и на попятный дворъ. Были и такіе,

что денегъ половину впередъ возьмутъ, да ни прошенія не напишутъ, ни денегъ не отдадутъ: знаютъ, что судиться не пойдемъ, замышляя такое дѣло. Такъ мы рублевъ съ десять даромъ переплатили. Много было хлопотъ. Выискался, наконецъ, одинъ семинаристъ, запросилъ пятьдесятъ рублей, сторговались за тридцать-пять. Писалъ онъ у меня въ избѣ. Я ребятъ и старуху выгналъ, ставни заперъ, такъ со свѣчой и писалъ. Написалъ. Вижу много написано весь листъ кругомъ. Сталъ читать. Читаетъ, читаетъ, а я все въ толкъ ничего не возьму. Словъ много, и мудреныхъ такихъ, было и око милосердія, и вѣсы какіе-то поминались, а настоящихъ самыхъ словъ не было, изъ которыхъ бы все дѣло видно было. У меня въ черновой было: заступись за насъ, ты отецъ нашъ, поставленъ на то, чтобы давать намъ судъ правый. Онъ сказалъ, что у меня писано по-мужицки, не годится. Дѣлать нечего, отдали мы ему деньги, а сами все безъ прошенія. Прошло у насъ эдакъ въ хлопотахъ мѣсяца три. Къ тому времени прослышали мы, что въ губернію ѣдетъ изъ Питербурха левизоръ генералъ изъ самыхъ важныхъ, левизовать губернатора. Тамъ у него, и старикъ махнулъ рукой:—много темныхъ дѣлъ было понадѣлано.

— Братцы, говорю я міру:—времени терять нечего. Надо подать левизору прошеніе вы выберите кому подавать, а я ужъ прошеніе добуду. У меня есть человѣкъ на примѣтѣ, напишетъ хорошо.

Послушались. Пошли толки кому подавать. «Ты, Митрей».—Нѣтъ ты, Пётра». Такъ долго перекорялись. Наконецъ, Сенька Безпалый взялся, я, молъ, подамъ, это вы трусите, а я чорта самаго не трушу. Бахвалъ

былъ такой. А я молчу, думаю, не меня одного дѣло, дѣло мірское; міръ выбирать должонъ, а какъ самъ полѣзешь безъ выбора, посля міръ скажетъ, что я не такъ что сдѣлалъ. Подавать Сенькѣ Безпалому, такъ и порѣшили на томъ. Я пошелъ добывать прошеніе въ городъ.

Человѣка, который былъ у меня на примѣтѣ, зналъ я ужъ много лѣтъ. Возилъ я ему дрова по подряду въ корпусъ, онъ тамъ былъ капитаномъ, и два лѣта стоялъ въ моей избѣ съ кадетами, это слабыхъ здоровьемъ на лѣто въ деревню посылали. Хорошій былъ баринъ, простой такой, не гордый. Нужда ли кому, дѣло ли въ судѣ, все къ нему шли за совѣтомъ, и денегъ не разъ ссужалъ, по веснѣ на сѣмена, и ученый былъ, все книжки читалъ и училъ насъ какъ пахать и сѣять, да мы признаться, ученье-то это мало слушали. Пошелъ я къ нему, а самъ міру ни слова, что иду просить его, потому въ людяхъ, извѣстно не безъ грѣха, неровенъ часъ, можетъ кто и выдастъ его сдуру, аль со страху. Прихожу къ нему и говорю зачѣмъ пришелъ. Онъ удивился и говоритъ:

— Да подумалъ ли ты хорошо, знаешь ли на что идешь; смотри, братъ, это пахнетъ Сибирью.

— Знаю все, говорю:—обдумали мы, ваше благородіе, зря не идемъ; а терпѣть больше не приходится.

Вотъ, подалъ ему черновую.

— Сдѣлайте милость, напишите.

— Хорошо, напишу, только ты меня не выдай, братъ.

— Помилуйте, ваше благородіе, говорю ему:—развѣ я не понимаю.

— Ладно, я посмѣялся; я братъ, знаю тебя,—и сѣлъ писать.

Сначала чинилъ, чинилъ ужъ онъ перо, попробовалъ на лоскуткѣ бумаги, по нѣскольку разъ и потомъ написалъ.

— Слушай, говоритъ,—хорошо ли:

Слушаю я—все хорошо, толково такъ написано.

— Посмотри, говоритъ опять; красиво ли написано?

Вижу написано красиво, а что за диво? ровно будто и не онъ писалъ.

Засмѣялся.

— Не узналъ мой почеркъ. Такъ-то, братъ, надо дѣло дѣлать у насъ. Пойдетъ слѣдствіе такъ оно все безопаснѣе. Ну бери и въ добрый часъ.

Я ужъ и руку протянулъ за бумагой, а онъ вдругъ спохватившись, бумагу отнялъ.

— А кто у васъ подавать будетъ, спросилъ.

— Сенька Безпалый.

— Нѣтъ, ужъ тогда я бумаги не дамъ. Я думалъ что ты подавать будешь; съ тѣмъ и писалъ прошеніе. Коли ты не подашь, такъ у меня сейчасъ бумага въ печку. У меня жена, дѣти, имъ по міру идти, какъ мнѣ придется сѣрую куртку надѣть. Я только на тебя и надѣюсь. Ты мужикъ умный, бравый, не выдашь.

Онъ говорилъ это, потому что зналъ, что во мнѣ духъ былъ неустрашимый. Ни у кого изъ нашихъ мужиковъ не было такого духа. И опять я соблюдалъ честно свое слово. Давши слово держись. И ужъ коли я давалъ слово, такъ изъ меня хоть жилы тяни, а отъ слова не отопрусь.

Екнуло у меня сердце, какъ онъ сказалъ, что мнѣ подавать. Это Сенька Безпалый сдуру, да съ похмѣлья оралъ,—подамъ, дескать, чорта не струшу; а дѣло было не шуточное. Вспомнилась мнѣ тутъ и старуха, и дѣти,

Взглянулъ я это на образъ: «Мать Пресвятая Владычица, молюсь, помоги». Перекрестился.

— Видно такъ быть надо, ваше благородіе, говорю:— я подамъ просьбу.

— На тебѣ просьбу, и помни, я на тебя, какъ на самого себя надѣюсь.

Прихожу въ деревню, говорю міру:

— Такъ и такъ, братцы, прощеніе съ тѣмъ дали чтобы я подалъ. Согласны ли?

— Согласны, согласны, загалдили:—Куда Сенькѣ Безпалому!

А Сенька Безпалый какъ вызвался, такъ самъ себя не помня со страху ходилъ, даже съ тѣла спалъ. А теперь выскочилъ и коритъ міръ.

— Хороши, дескать, меня за что охаяли? Я ли вамъ не послужилъ бы?

— Только слушай, міръ крещеный, говорю:—вѣдь слѣдствіе будетъ, такъ на слѣдствіи не отлынивать, а показать, что всѣмъ міромъ положили подать прощеніе. Тогда только мы и правды добьемся, коли всѣмъ міромъ постоимъ. А то коли вы на слѣдствіи отступитесь, такъ я и подавать не стану.

Я зналъ, на что иду и готовъ былъ принять муку, коли черезъ ее должно добиться; потому что постоять за міръ дѣло великое, а кабы міръ отступился отъ меня, такъ это значило бы, что я безъ всякаго толка, какъ дуракъ полѣзъ въ петлю.

И какъ загалдѣли всѣ разомъ:

— Да что ты, Егоръ Тимофеичъ, да развѣ на насъ креста нѣтъ? Да нешто мы не люди?

— Ладно, говорю:—братцы, держите крѣпко ваше слово.

Пришелъ домой, велѣлъ старухѣ двѣ чистыя рубашки мнѣ изготовить, вычистить кафтанъ, а для чего не говорю. Она отъ сосѣдей узнала, извѣстно бабье дѣло, стала ревѣть и причитать. Прикрикнулъ на нее, залегъ на печку, да такъ всю ночь и пролежалъ. На разсвѣтѣ пошелъ въ городъ, и въ сумерки пришелъ. Прохожу мимо губернаторскаго дома, дворцомъ его у насъ звали и спрашиваю часоваго, въ которомъ молъ, часу, выходитъ проѣзжій ревизоръ? Сказалъ что послѣ обѣденъ.

На другое утро, я взялъ прошеніе, завернулъ въ чистый листокъ, повѣсилъ на груди и опять иду ко дворцу и хожу взадъ и впередъ по панелямъ. Никого не было, только часовой съ ружьемъ ходилъ взадъ и впередъ передъ крыльцомъ.

— Ты что, дѣдушка, ходишь? спросилъ онъ:—не прошеніе ли подать хочешъ его прев—ству.

— Такъ точно, прошеніе.

— Ну такъ не вертись тутъ на глазахъ, а схоронись куда къ сторонкѣ, а то губернаторъ строго-на-строго приказалъ хватать всѣхъ, кто къ ревизору съ прошеніемъ придетъ. Схватятъ и тебя коли увидятъ. А ты гдѣ изъ-за угла высматривай, какъ онъ выйдетъ, тогда и подай.

— Спасибо, говорю, служивый за совѣтъ.

Губернаторскій-то дворецъ былъ какъ разъ противъ рѣки на набережной. Я и спустился внизъ къ рѣкѣ. И на всякій случай въ умѣ отвѣтъ держу, коли спросятъ зачѣмъ ты здѣсь, скажу на ердань пришелъ, крещеной воды испить. А день былъ какъ разъ третій или четвертый послѣ крещенія, ердань всегда ставили супротивъ губернаторскаго дворца. Пока я стою, воду черпаю, а съ верху, съ набережной, одинъ мѣщанинъ меня и окликаетъ.

— Ты зачѣмъ здѣсь, мужичокъ?

— Крещеной водицы испить.

— А я думалъ не подать ли генералу прошеніе.

— Нѣтъ, говорю, у меня никакого прошенія.

— А у меня такъ есть; не знаешъ ли какъ подать и когда выйдетъ генералъ?

— Нѣтъ, молъ, не знаю.

Такъ онъ съ тѣмъ и ушелъ. А я все стою у ердани, а съ крыльца глазъ не спускаю. Вотъ отворились двери, и я кинулся на верхъ къ крыльцу, достаю прошеніе на бѣгу. Пока я бѣжалъ, откуда не возьмись, словно изъ подъ земли выросли пять или шесть человѣкъ, между ними солдатъ съ деревяшкой и одна старая престарая старушка, еле на ногахъ держится, и всѣ съ бумагами. Только мѣщанина, что меня окликалъ-то, съ ними не было. Всѣ встали въ рядъ отъ крыльца, вдоль по улицѣ мнѣ пришлось стать послѣднимъ.

Ждали мы не долго, а казалось конца не будетъ жданью. Выходитъ левизоръ. Всѣ встали на колѣни и протягиваютъ бумаги. Думаю и мнѣ надо встать, скажутъ одинъ не всталъ, видно не почтительный, али, пожалуй, бунтовщикъ. Всталъ. Чтобы посля міръ не сказалъ, что я ему не порадѣлъ. Стоимъ на колѣняхъ. Генералъ идетъ мимо. За нимъ губернаторъ, полицмейстеръ, адъютанты, много народу, все въ мундирахъ, эполетахъ, орденахъ. Лицо у генерала суровое, идетъ бокомъ на насъ глаза повелъ, не сказавъ ни слова, не взялъ бумагъ, ровно мы не ему давали. Обидно мнѣ очень показалось, что онъ не взялъ бумаги. Я всталъ и говорю ему:

— Кому же прикажете подать ваше превосходительство?

— Такъ и сказали ему? спросила я.

— Такъ и сказалъ.

— Молодецъ! вырвалось у меня невольно.

Старикъ самодовольно тряхнулъ головой.

— Генералъ ужъ прошелъ три шага, какъ услыхалъ, что я сказалъ ему, вернулся, всталъ противъ меня, и уставилъ на меня свои глаза, а взглядъ такой страшный. Адъютантъ его и губернаторъ стоятъ бѣлехоньки, бѣлѣе вотъ этаго полотна. А я ничего, стою противъ него и смотрю ему въ глаза. Генералъ подошелъ ко мнѣ близко, водъ эдакъ придвинулъ совсѣмъ лицо свое къ моему, это онъ нюхнуть хотѣлъ, не пьянъ ли я. А у меня съ утра ворту и маковой росинки не было; да и сталъ ли бы я пить идучи на такое дѣло? Видитъ что я тверезъ, въ своемъ полномъ понятіи и говоритъ:

— Отдай адъютанту Колтовскому, и прошелъ мимо.

Какъ же это, думаю, на пса прошу, а къ псу и посылаютъ? Колтовскій былъ тоже изъ нашихъ сосѣднихъ помѣщиковъ.

Адъютантъ взялъ просьбу, крикнулъ полицейскимъ и повели меня въ дежурную комнату, и приставили одного солдата смотрѣть за мной. Комната большая, свѣтлая. Просидѣлъ я въ ней часа два, али три, пока адъютантъ ѣздилъ за генераломъ. Пріѣхалъ съ губернаторомъ и полицмейстеръ. Позвали меня, стали допрашивать:

— Ты подавалъ прошеніе?

— Вы знаете, ваше благородіе, что я.

— Твоя ли это подпись на прошеніи?

— Моя..

— Подпишись вотъ на этомъ лоскуткѣ.

Я подписалъ: Егоръ Тимофеевъ. Они взяли къ окну поднесли лоскутокъ, надѣли очки, а кто стеклышки къ глазу приставили и смотрѣли, каждую букву сличали съ подписью на прошеніи. А у самихъ лица такія озабоченныя и ровно испуганныя.

— Твоя подпись говорятъ.

— Да какъ же ты смѣлъ, спрашиваетъ Колтовской:— на князя Шибальскаго прошеніе подать?

— Зачѣмъ, говорю, раззоряетъ оброкомъ.

А онъ все свое.

— Да какъ ты смѣлъ на такое лицо, прошеніе подать? И всѣ за нимъ пошли: «какъ смѣлъ, да какъ смѣлъ?»

— А какое у него лицо, такое говорю я:—извѣстно человѣческое, какое у меня, такое и у него.

Будто я не понялъ, что они сказать хотѣли, а я нарочно такъ сказалъ, потому что меня зло взяло, что они меня такъ низко ставятъ. Оно, конечно, что князь, важное лицо, а я простой мужикъ, да все же я человѣкъ, а не тварь какая послѣдняя, чтобъ безъ отвѣта неправду терпѣть.

И батюшки мои, какія у нихъ лица сдѣлались, какъ я это сказалъ; шептались они, шептались и по французскому то говорили. Я разобралъ только слово пёпель, да другихъ два еще, теперь не выговорить. У одной барыни потомъ спрашивалъ, сказывала, что значитъ народъ и отчаянный человѣкъ. Смотрю я на нихъ какъ они опять въ прошеніе смотрятъ съ такими испуганными лицами, и думаю: видно, господа, у васъ дѣла, что сажа бѣла, коли мужиковскаго прошенія испугались; и пріободрился я, смѣкаю, видно грозы боятся. Да нѣтъ на нихъ грозы, нѣтъ на нихъ суда, матушка.

— Что жъ это, спрашиваютъ, ты одинъ подписался, значитъ ты самъ отъ себя подавалъ?

— Нѣтъ, я выборный отъ міра.

— Что жъ другихъ подписей нѣтъ?

— Да, говорю, думали, что не по закону будетъ, а коли я подалъ, такъ моя подпись и должна быть.

Тутъ меня и отпустили. Полицейскіе отвели въ часть, и меня тамъ продержали три недѣли, а потомъ... и морщинистыя щеки старика залила густая краска:—постегали, что грѣха таить. Постегали и больно постегали, да не въ боли, барыня, дѣло. Стыдно что тебя ровно скота безчувственнаго бьютъ. Ну и опять, кабы я что укралъ, али сплутовалъ, тогда по дѣломъ вору и мука. А то я вотъ теперь, какъ передъ Богомъ истиннымъ говорю, вотъ ни на синь-пороха чужимъ добромъ не покорыстовался. Теперь хоть передо мной серебро и золото разсыпь, и ни душа живая не увидитъ—и ничего я невозьму, ничего чужого не надо. И опять, чтобы продать обманомъ, али работу не ту поставить, и этого за мной не водилось никогда. Меня завсегда такъ міръ справедливымъ и звалъ. Бывало сусѣди поссорятся, али дѣлиться станутъ, все ко мнѣ идутъ, разсуди молъ насъ, дѣдушка Егоръ, ты по справедливости разсудишь.» И какъ я разсужу, такъ тому и быть. А тутъ меня высѣкли за то что я правды искалъ. И еще кабы я зря полѣзъ, не поискавши правды у своего начальства, я понимаю тоже, что тутъ безъ строгости нельзя, а то каждый дуракъ зря полѣзетъ со всякими пустяками. У нихъ важныя государственныя дѣла, такъ коли допускать каждаго дурака, то на дѣла то государственныя и времени не останется. Да я то не зря

лѣзъ, я прежде у своего начальства правды искалъ и какъ не нашелъ, такъ пошелъ съ прошеніемъ къ генералу-ревизору. Да и не съ пустяками я лѣзъ, а съ кровной нуждой, ни одного себя, а цѣлаго міра. Нешто это не важное дѣло, что триста человѣкъ раззоряютъ. Такъ это все прежде разобрать надобно, а тамъ ужъ человѣка наказывать.

Постегавши отпустили меня въ деревню. Пришелъ, молчу, ни слова ни старухѣ ни парнямъ. И теперь сколько лѣтъ прошло, а все не легко выговорить это слово, а тогда горько было, охъ какъ горько; на парней своихъ мнѣ и посмотрѣть жутко было. Не знаете, думаю, что отецъ-то у васъ сѣченый. Эдакъ черезъ день послѣ того, какъ я пришелъ, пріѣхалъ въ деревню изъ Питера князь на слѣдствіе съ земской полиціей. Пошелъ по деревнѣ стонъ и вой. Бабы надъ мужьями и сыновьями причитаютъ, дѣвки и ребятишки залѣзли въ овины, али сѣновалы. Послали за мной. Старуха моя завыла; извѣстно бабье дѣло. Прикрикнулъ я на нее. У самого на душѣ не легко, а тутъ еще она воетъ. Иду. Въ конторѣ сидитъ князь, управляющій съ исправникомъ и становой стояли возлѣ; писарь сидитъ у стола, солдаты и пуки розокъ въ углу, все какъ быть надо на слѣдствіи мужицкомъ. Мужики стоятъ у другой стѣны. Стали меня допрашивать:

— Это ты подалъ прошеніе?

— Я.

— Самъ отъ себя?

— Нѣтъ, міръ писалъ.

— Такъ это ты, бунтовщикъ, смущалъ народъ? накинулся на меня исправникъ.

— Не смущалъ я народъ, ваше благородіе, говорю, а

народъ самъ видѣлъ, что съ такимъ оброкомъ жить невозможно и посылалъ меня спервоначалу два раза къ управляющему, да два раза къ его сіятельству. Да только насъ слушать не захотѣли, мы и порѣшили тогда подать прошеніе. Я и подалъ.

— Ты подписался подъ просьбой, а не міръ, значитъ, ты смущалъ, бунтовщикъ.

— Подпись точно моя. А я не бунтовщикъ, меня міръ послалъ.

— Не упорствуй лучше, а сознавайся—говоритъ князь.

Я стою что міръ послалъ.

— Да вы не извольте тревожить себя, ваше сіятельство, сказалъ исправникъ:—вотъ мы сейчасъ всю подноготную разузнаемъ. Эй, кто изъ васъ жалуется, кто посылалъ его, выходи впередъ!

Никто не тронулся.

— Вы сознаетесь что не жаловались на оброки? спросилъ управляющій.

Мужики стали переминаться.

— Оно точно, что тяжеловаты, не въ моготу заговорили.

— Кто сказалъ, что оброки тяжелы? Выходи.

Вышелъ Сенька Безпалый.

— Такъ ты недоволенъ, значитъ и ты бунтовалъ съ нимъ. Эй розогъ!

Солдаты стали поднимать розги.

Сенька и на попятный дворъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, я ничего не говорю, всѣмъ доволенъ.

— Всѣмъ доволенъ? Значитъ ты не посылалъ его съ прошеніемъ? спрашиваетъ исправникъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, и знать не знаю.

— Ступай къ сторонѣ. Теперь, ребята, кто доволенъ ступай къ нему, а кто подавалъ прошеніе къ бунтовщику.

Гляжу, весь міръ такъ гурьбой и повалилъ на сторону Сеньки.

— Братцы, крикнулъ я:—гдѣ же правда?

Да видно нѣтъ ее, правды-то, въ міру. Стали около Сеньки, а на меня и глазъ поднять не смѣютъ, видно совѣсть ихъ зазрила, что они такіе...

Тутъ дѣдушка Егоръ выругался очень энергически и нецензурно.

— Извините, матушка, не при васъ будь сказано, да, не стерпѣло сердце. Ну, какъ не обидно, что они сами себя выдавали, отступаясь отъ меня. Кабы весь міръ тогда, какъ одинъ человѣкъ показалъ, что оброки тяжелы, такъ весь міръ бы въ Сибирь не сослали. Цѣлый міръ не одинъ человѣкъ, стали бы говорить, князь не посмѣлъ бы, потому что въ Питербурхѣ узнали бы. Тогда бы не сказали что я, буянъ и бунтовщикъ, со злобы на князя прошеніе подалъ, а увидѣли бы что взаправду народу тяжело жить. И князь отступился бы отъ трехъ копѣекъ съ сажени, только чтобы такой исторіи не поднимать. А тутъ вышло, что я одинъ постоялъ—одинъ въ полѣ не воинъ.

— Братцы, говорю я имъ:—есть ли у васъ крестъ на шеѣ?

Стали переминаться, въ затылкахъ почесали, да только и было. А исправникъ на меня съ кулаками.

— Молчать, бездѣльникъ! Какого еще другаго примѣра вамъ надо, ваше сіятельство, что онъ бунтуетъ народъ?

И кулаками мнѣ грозитъ.

— Сознавайся, ты одинъ бунтовалъ? говоритъ князь.

— Теперича, коли міръ отъ меня отрекся, выходитъ, что я точно одинъ, говорю.

— Пиши:—говоритъ исправникъ писарю, что онъ сознался.

— Ни въ чомъ я не сознавался и мнѣ не въ чемъ сознаваться.

— Молчать! Пиши что сознается.

Вижу что на шемякиномъ судѣ я: что ни говори, не сдобровать мнѣ. Молчу. Стали они допрашивать:

— Не можетъ быть, чтобъ ты тамъ отъ себя подалъ прошеніе; кто нибудь подучилъ.

— Никто. Какое подученіе надо, коли человѣка раззоряютъ.

— Быть не можетъ, самъ ты не посмѣлъ бы?

— Отчего не посмѣлъ? Всякій смѣетъ правду искать.

— Изъ того что ты такъ разговариваешь, видно, что тебя подучили.

Долго пытали они меня такъ, скажи кто подучалъ. Шептались вмѣстѣ. Потомъ, видя, что ничего не выпытали, стали спрашивать:

— Кто писалъ прошеніе, не ты же?

— Нѣтъ не я. Мнѣ такъ не написать.

— Кто же писалъ?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь.

— Не знаю.

— Да ты не ври. Само собой не написалось бы.

— Знамо дѣло не написалось бы.

— Такъ кто нибудь да писалъ же.

— Кто нибудь да писалъ.

— Ну да писалъ, да кто же?

— Незнакомый человѣкъ.

— Какъ незнакомый человѣкъ?

— Ну да незнакомый. Я его ни имени ни званія не знаю.

— Этотъ незнакомый человѣкъ и подучилъ тебя.

— Никто меня не подучалъ, прошеніе—мое, онъ только на чисто переписалъ.

Тутъ они стали меня уговаривать:

— Сознайся, все тебѣ прощено будетъ, и отпустятъ тебя, и ничего не сдѣлаютъ, а коли не сознаешься, такъ тебя ушлютъ въ Сибирь. Подумай, у тебя жена, дѣти; на кого они останутся? Хозяйство раззорится безъ хозяина. Намъ жаль тебя, что ты себя изъ за напраснаго упорства губишь. Пропадешь ни за что.

Князь тоже говоритъ:

— Послушайся, жалѣючи тебя совѣтую.

Ладно молъ, думаю, разсказывайте. Знаю я ваше жалѣнье. У меня отъ вашего жалѣнья—то и теперь рубцы на спинѣ. Кабы жалѣли, не драли бы оброка. Нашли дурака, чтобы уши развѣсилъ на ваши жалостныя слова.

Видятъ что жалостныя слова не берутъ, стали снять допрашивать.

— Такъ, значитъ ты видѣлъ человѣка, который писалъ прошеніе?

— Извѣстно видѣлъ.

— Какого онъ званія?

— Не знаю.

— Какъ его зовутъ?

— Не знаю.

— Ну какой же онъ изъ себя? Полный, худой?

— А такъ, средственный.
— А роста какого?
— Средственнаго.
— Лицо какое у него?
— Лицо? Обнаковенно какое бываетъ.
— Съ бородой ходитъ или обритый?
— Бритый.
— Росту какого?
— Средственнаго.
— Ты сказалъ съ бородой ходитъ.
— Нѣтъ я сказалъ бритый.
— И старый?
— Нѣтъ, средственный.

Долго они меня такъ допрашивали на перекрестъ, и князь, и управляющій, и исправникъ со становымъ; что одинъ недоспроситъ, подхватитъ другой. Точно какъ на княжеской охотѣ бывало собаки гонятся за зайцнмъ, то одна накинется, то другая, да я то не заяцъ дался имъ, а матерой волкъ; напрасно объ меня зубы-то пообточили. Не удалось сбить меня. Стою на своемъ. А я еще какъ прошеніе шелъ подавать, такъ въ умѣ и сложилъ, чтобы не выдать капитана, что говорить и затвердилъ какъ Отче нашъ.

— Ты сказалъ, что онъ сѣдой.

— Не могъ я этого сказать, потому что вы про волоса его не спрашивали.

— Гдѣ онъ у тебя прошеніе писалъ, въ избѣ?

— Никакъ нѣтъ..

— Гдѣ же?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь?

— Не знаю.

— Да вѣдь долженъ же онъ былъ гдѣ нибудь писать?

— Извѣстно, долженъ, да я про то неизвѣстенъ.

— Гдѣ ты видѣлъ его?

— Въ городскомъ кабакѣ.

— Въ какомъ кабакѣ.

— На Конной, такой кабакъ есть.

— Онъ въ кабакѣ и писалъ?

— Нѣтъ; я говорилъ что не знаю гдѣ онъ писалъ. Сказывалъ что на квартиру унесетъ бумагу.

— Гдѣ квартира его?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь? развѣ ты не былъ у него на квартирѣ?

— Не былъ.

— Ловкая бестія! сказалъ на ухо исправникъ графу.

— Какъ же это ты отдалъ незнакомому человѣку писать прошеніе, незнавши и квартиру?

— Да такъ. Сижу въ кабакѣ, вотъ такъ, пригорюнившись. Думаю, что жъ это насъ весь вѣкъ обирать будутъ, разжиться не дадутъ.

— Ну, ну, говори не завирайся.

— Сами спрашивали, я говорю какъ было. Онъ приходитъ, выпилъ шкаликъ и спрашиваетъ меня:

— Что, мужичокъ, пригорюнился?

— Про то знаю я, говорю.

— Скажи, проситъ, мнѣ жаль тебя.

— Тебѣ-то что за дѣло: нешто ты мнѣ поможешь?

И весь-то этотъ разговоръ былъ у меня въ головѣ сложонъ, барыня.

— Можетъ и помогу, говоритъ.

— Нѣтъ, не помочь тебѣ.

А онъ все пристаетъ: скажи, да скажи. Ну, и сказалъ я ему, что порѣшили мы міромъ просьбу подать, да все не найдемъ человѣка, который взялся бы написать, и что черновую-то я составилъ, чтобъ по ней писать.

— Да я, и говоритъ, напишу; сколько дашь?

— Да ты наперед покажи, какъ пишешь-то?

Досталъ онъ у цаловальника лоскутокъ бумаги, перо, вижу, пишетъ четко и красиво. Сторговались мы, взялъ онъ у меня черновую и велѣлъ завтра придти въ эту же пору въ кабакъ, что онъ прошеніе принесетъ. Я отдалъ черновую и назавтра въ ту же пору былъ опять въ кабакѣ, а онъ ужъ ждалъ меня. Принесъ я ему деньги, взялъ бумагу. Вотъ какъ было дѣло.

— За сколько онъ взялся писать бумагу?

— За полтора рубля, говорю. (А міръ-то до пятидесяти рублевъ въ разныя руки переплатилъ. А я нарочно такъ говорю, потому что коли бы я сказалъ правду, сказали бы безпременно: «а! значитъ есть деньги, коли платите за прошеніе пятьдесятъ рублевъ!»).

— Ты не ври,—говоритъ становой:—ни одинъ дуракъ не взялся бы за полтора рубля такое прошеніе писать.

— Про то онъ зналъ, дѣло его.

— Кто зналъ? опять это словить хотятъ.

— Да кто писалъ-то.

— Да какъ же ты не побоялся отдать прошеніе писать незнакомому человѣку?

— Такъ и не побоялся.

— А если бы онъ донесъ?

— Да я имени своего не сказалъ, насъ, крестьянъ, триста человѣкъ, ищи тутъ меня. Опять же доносить всякій побоиться, какъ затаскаютъ по судамъ.

— Такъ ты и стоишь, что незнакомый.

— Такъ и стою, и уперся я на этомъ.

Ужъ они опять меня пытали, пытали, я ужъ и отвѣчать не сталъ. Говорю: ваше благородіе, я все сказалъ. Видятъ, что со мной больше нечего дѣлать, скрутили мнѣ руки назадъ и повезли въ губернію. Такъ не дали ни съ кѣмъ и проститься, ни домой зайти. Какъ посадили меня въ телегу, съ солдатами, я и поклонился міру:

— Прощай, міръ честной, говорю въ насмѣшку.

Въ острогѣ надѣли кандалы, судили меня, да хорошо что не долго томили: черезъ мѣсяцъ вышло рѣшенье, меня какъ бунтовщика, за то что смущалъ крестьянъ князя Шибальскаго, сослать въ Сибирь, въ Томскую губернію на поселеніе. на всю жизнь. Меня не каторжнымъ сослали, какъ другихъ воровъ или душегубовъ, и правъ состоянія не рѣшили, такъ что я изъ крѣпостного крестьянина сталъ вольнымъ.

Прошелъ я по этапу три тысячи верстъ съ лишнимъ. Пришелъ въ Сибирь. Вижу ничего нѣтъ страшнаго. Вездѣ люди живутъ; а къ работѣ мнѣ не привыкать: въ крестьянскомъ быту всякую работу извѣдаешь. Нанялся я копать руду у подрядчика, богатѣющаго откупщика. Живу, работаю, деньгу наживаю; одно, что когда вспомню про старуху и хозяйство, такъ тоскливо станетъ. Думается, что парнишка старшій,—ему восемнадцатый годъ пошелъ, какъ я уходилъ,—не справится съ хозяйствомъ, а тягло на него перешло. Дочка на выданьи была, такъ безъ

меня свадьбу и справили. Кабы не это, да не обида, что ни за что сосланъ, я бы и не тужилъ.

Жить мнѣ было ничего. И тутъ рабочія артели меня почитать стали, тоже справедливымъ прозвали. Другіе господа, изъ ссыльныхъ, али купцы, услышавъ, что я на князя прошеніе подавалъ, любопытствовали меня видѣть, разсказывать заставляли все какъ было и вотъ тоже какъ вы молодцомъ называли.

И въ Сибири, матушка, я на откупщика губернатору жалобу подалъ.

— И ссылка не уняла? спросила я.

— Да чего унимать-то, не буянъ, я былъ не изъ озарства пошелъ. Вотъ тоже мнѣ одинъ чиновникъ сказалъ послѣ: «Ты, братецъ, поостерегся бы лучше жаловаться, скажутъ, что ты безпокойный человѣкъ.» А чѣмъ я былъ безпокойный человѣкъ? Безпокойные люди тѣ, что неправду творятъ да другихъ жаловаться заставляютъ. А я хотѣлъ, чтобы все по правдѣ, совѣсти дѣлалось. И кабы все такъ дѣлалось, не пошелъ бы я жаловаться, потому что я ссоръ заводить не любилъ, хотѣлъ жить со всѣми въ мирѣ, по справедливости.

Ну, такъ вотъ какъ я ходилъ къ губернатору. Въ концѣ мѣсяца приходитъ Сидоръ Петровъ—работникъ нашей артели, мы его завсегда посылали за разсчетомъ,—и приноситъ деньги; вышло, что каждаго подрядчикъ обсчиталъ на два рубля семьдесятъ восемь копѣекъ. Опять меня зло взяло, что наши кровныя трудовыя денежки оттягиваютъ. И добро бы нищій, съ голоду—тому и Богъ проститъ. А то первый богачъ губерніи. Обѣды задаетъ, такъ ящиками вина изъ Петербурха выписы-

ваетъ. Зимой катанье устроилъ съ горъ, такъ горы-то шалтанскимъ поливалъ. Не могъ я снести обиду и порѣшилъ идти къ губернатору. Ни Сидору, никому изъ артели, ни слова не сказалъ, и отпросился у прикащика въ городъ. Не за деньгами тягаться шелъ,—я больше двухъ рублей семидесяти восьми копѣекъ потерялъ, рабочихъ четыре дня прогулялъ. Губернскій то городъ отъ пріисковъ почитай что верстъ семьдесятъ былъ: это я туда и назадъ пѣшкомъ сходилъ, ну, да хоть малость, а все прохарчился на дорогѣ. Мнѣ только было приказано отъ уѣзда не выѣзжать, такъ что я завсегда могъ въ городъ идти, заводы-то были въ уѣздѣ губернскаго города. Не въ деньгахъ было дѣло, барыня, а въ несправедливости. А ты одинъ разъ смолчи, думавши, что изъ за малости не стоитъ тягаться, такъ тебя въ другой разъ и не такъ обидятъ.

Прихожу въ канцелярію губернатора. Спрашиваю: могу ли видѣть губернатора, и паспортъ показываю, и разсчетную книжку. Секретарь тотъ былъ друженъ съ подрядчикомъ-то, такъ на его руку тянулъ.

— Хорошо, говоритъ, оставь книжку и просьбу напиши, а мы разберемъ.

— Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, я дождусь губернатора.

Выходитъ, наконецъ, губернаторъ. Я подошелъ къ нему и говорю. А я ужъ прежде, идучи въ городъ, составилъ въ умѣ какъ и что ему говорить.

— Ваше превосходительство! — говорю: — я мужикъ простой, темный, коли я что не такъ скажу, накажите меня, а коли я правъ—разсудите.

— Кто ты?

Сказалъ кто я, и разсказалъ въ чемъ дѣло. Какъ услыхалъ губернаторъ, что я ссыльный и за какое дѣло, такъ сталъ внимательно слушать, потомъ говоритъ:

— Скажи, чтобы твое дѣло записали, а завтра приходи.

Сказалъ я все писарю, записали. На завтра прихожу и подрядчикъ тутъ. А я, барыня, нарочно пригналъ такъ, чтобы въ городѣ быть, когда подрядчикъ-то туда поѣдетъ.

— Вотъ на васъ жалоба, Иванъ Захарычъ!—говоритъ губернаторъ:—Егоръ Тимофеевъ говоритъ, что вы обсчитали его.

Я показалъ разсчетную книжку. Повѣрилъ.

— Да, ошибся, говоритъ, тутъ двухъ рублей семидесяти копѣекъ не додано.

— Да не мнѣ одному, всей артели, говорю я.

— Додамъ все; это ошибка пустая, ты бы ко мнѣ шелъ, вмѣсто того, чтобы его превосходительство безпокоить.

— Ладно, думаю, ошибка. Отчего же это ты никогда такъ не ошибаешься, чтобъ передать, а все такъ чтобъ не додать.

Тотчасъ выдалъ мнѣ деньги. А я зналъ что выдадутъ на—вѣрняка шелъ. Это вы, можетъ, не знаете, барыня, что ссыльные подъ особымъ надзоромъ полиціи состоятъ и обо всемъ что они дѣлаютъ, отписываютъ въ Питербурхъ, въ особое вѣдомство. Ну, вотъ губернатору-то извѣстно, не хотѣлось, чтобы про него отписывали въ Питербурхъ, онъ поскорѣе и порѣшилъ дѣло. Ну, тоже маленечко опасался и ссыльнаго; думаетъ, ссыльные—народъ отчаянный.

Прихожу я назаводъ и опять себѣ руду копаю и товарищамъ, гдѣ былъ, зачѣмъ; про то ни гу-гу. Слышу прика-

щикъ получилъ отъ подрядчика приказъ, додать имъ что слѣдуетъ. Я все молчу. Только идемъ мы съ работы, а Сидоръ зоветъ меня къ себѣ зайти. Зашелъ. Ставитъ онъ на столъ полуштофъ и закуску. Я ужъ смекаю за что.

— Это что? спрашиваетъ Сидоръ и смѣется показываетъ на штофъ.

— Извѣстно что—водка, говорю я, будто не понимаю.

— Водка-то водка, да какая?

А я опять: извѣстно какая: пѣнная, изъ царева кабака.

— Эхъ ты, все не то; на какія денежки, дѣдушка Егоръ? Смекаешь теперь? и меня по плечу.

Ну, и я засмѣялся, и роспили мы полуштофъ, тутъ другіе работники подошли. И всѣ мнѣ: спасибо Егоръ Тимофеичъ, безъ тебя мы бы своихъ денежекъ какъ ушей не видали.

— То то и плохо,—говорю:—что безъ меня не видали, а сами что не умѣете за себя постоять?

Тутъ дѣдушка Егоръ принялся мнѣ разсказывать, что онъ не даромъ побывалъ въ Сибири и людей посмотрѣлъ, какъ онъ выражался. Я передамъ только послѣдніе слова его:

— То то, матушка, была бы въ мірѣ правда, кабы было побольше людей, которые бы умѣли постоять за нее.

— Такихъ, какъ дѣдушка Егоръ, сказала я, и гордая улыбка скользнула по лицу старика.

Дѣдушка Егоръ вернулся въ 56 году, пробывъ около восьми лѣтъ въ ссылкѣ.

— По манифесту вернули? спросила я.

— Нѣтъ, прошеніе міръ подавалъ на имя Государя Императора, и управляющій-то и подучилъ міръ про-

сить: Совѣсть ли его зазрила, а то говорятъ, жена его приставала къ нему, что безвинно человѣка сослалъ, только онъ и говоритъ: «Ребята, хотите Лукина то вернуть?» Ну, міръ тоже радъ былъ, потому что противъ меня тогда согрѣшили. Подали просьбу и вышло мнѣ прощеніе, какъ говорили, то-исъ разрѣшеніе вернуться въ вотчину.

Вернулся я, засталъ дома раззореніе, а старуха ужъ три мѣсяца, какъ на погостъ снесена была. Какъ я ушелъ, все тосковала, тосковала, да крѣпилась, а тутъ, какъ вышло разрѣшенье, чѣмъ бы по спокойнѣе стать, сама не своя стала. Все ходила на перекрестокъ дороги встрѣчать и томилась такъ что захирѣла, да такъ трехъ мѣсяцевъ и не дожила до моеге возвращенія. Мудреное дѣло, эти бабы.

Ну, я въ порядокъ хозяйство привелъ, поженилъ младшаго сына и вотъ съ тѣхъ поръ все живу, какъ видишь, Бога гнѣвить нечего.